

Беляев Дмитрий Анатольевич

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ ДИСКРЕТНОГО "СВЕРХОБЩЕСТВА" В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье рассматривается политика мультикультурализма как экспликация системы постмодернистских ценностей в социокультурном и этноконфессиональном пространстве. Анализируется культурная генеалогия и философские основания политики мультикультурализма. При этом конструируется результирующая теоретическая модель универсального мультикультурального "сверхобщества", базирующегося на постмодернистской ценностной матрице. Далее рассматривается практическое воплощение данной модели в пространстве европейской культуры второй половины XX - начала XXI века. Выявляются опасности и риски политики мультикультурализма, реализуемой в дискурсе современной культуры. В заключение констатируется взаимосвязь между крахом/кризисом мультикультурализма и кризисным состоянием культуры в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 46-50. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2:008

Философские науки

В статье рассматривается политика мультикультурализма как экспликация системы постмодернистских ценностей в социокультурном и этноконфессиональном пространстве. Анализируется культурная генеалогия и философские основания политики мультикультурализма. При этом конструируется результирующая теоретическая модель универсального мультикультурального «сверхобщества», базирующегося на постмодернистской ценностной матрице. Далее рассматривается практическое воплощение данной модели в пространстве европейской культуры второй половины XX – начала XXI века. Выявляются опасности и риски политики мультикультурализма, реализуемой в дискурсе современной культуры. В заключение констатируется взаимосвязь между крахом/кризисом мультикультурализма и кризисным состоянием культуры в целом.

Ключевые слова и фразы: мультикультурализм; постмодернизм; «сверхобщество»; толерантность; постмодернистская культура; «положительная дискриминация»; кризис мультикультурализма.

Дмитрий Анатольевич Беляев, к. филос. н.

Кафедра философии и социально-политических теорий

Липецкий государственный педагогический университет

dm.a.belyaev@gmail.com

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ ДИСКРЕТНОГО «СВЕРХОБЩЕСТВА» В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА©

В настоящее время политика мультикультурализма, принятая в 70-е гг. XX в. многими европейскими странами, а также государствами, находящимися в фарватере единой с Европой этнокультурной ценностной парадигмы, вызывает множество споров и дискуссий. Мультикультурализм, занимая важное место в современной социокультурной действительности, до недавнего времени являлся основной стратегией построения пространства нового межкультурного сожительства – постмодернистского «сверхобщества». Эта политика являлась существенным конструирующим элементом современной евроатлантической цивилизации, задававшей формат межкультурных и этноконфессиональных отношений. Поэтому ее современный кризис нуждается во всестороннем исследовании, т.к. его возникновение, во-первых, делает неустойчивой всю систему межкультурной диалогости, а во-вторых, наглядно демонстрирует в области непосредственной социокультурной практики проблемно-кризисные точки всей постмодернистской культурной парадигмы, порождением которой, на наш взгляд, и стала политика мультикультурализма. Для понимания глубинных оснований этого кризиса необходимо проследить идейную генеалогию, философские и культурно-исторические основания мультикультурализма, а также особенности практической реализации этой политики в конкретном социокультурном пространстве.

Наша работа основана на методе компаративного культурфилософского, этноконфессионального и социально-политического анализа. Ее целью являются, во-первых, анализ генеалогии и сущностных оснований мультикультурализма, а также его связи с философией культуры постмодерна; во-вторых, осмысление теоретической модели условного «сверхобщества» как результата политики мультикультурализма; в-третьих, выявление рисков политики мультикультурализма в современном социокультурном пространстве и перспектив построения глобального дискретного сверхобщества.

Прежде чем рассматривать собственно политику мультикультурализма, считаем необходимым дефинировать само понятие «мультикультурализм», потому что как в массовом общественном сознании [10; 12], так и в научном сообществе существует некоторая «подвижность» в определении данного понятия [4; 5; 13]. Итак, мультикультурализм – это политика, направленная на сосуществование различных автономных этноконфессиональных и культурных образований в парадигме взаимной толерантности. В этом определении ключевыми являются понятия «автономность» и «толерантность», через которые и раскрывается сущность мультикультурализма. Однако прежде следует обратиться к генеалогическому культурно-контекстуальному полю возникновения мультикультурализма.

Мультикультурализм является сравнительно новой моделью социокультурной и этноконфессиональной диалогости в системе глобального межкультурного коммуникативного дискурса. Долгое время в мире преобладал центристский монокультурализм, когда каждая древняя цивилизация идентифицировала только свою культуру как безусловное ценностно-положительное и прогрессивное образование. А прочие, инородные, культурные формы квалифицировались как «низшие», «неполноценные», требующие или полной насильственной ассимиляции, или уничтожения. Нетерпимость по отношению к инокультурным феноменам была обязательной частью идеологии и практической политики всех древнейших цивилизаций, часто становясь залогом их выживания.

Окончательно сформировавшийся в эпоху Возрождения евроцентризм, ведущий свою генеалогию от Древнего Рима и отчасти подкрепленный христианским мировоззрением, породил формирование имплицитно тоталитарного пространства еврокультурного централизма. Европейская культура воспринималась

как единственно возможный канонический образец позитивной эволюции человечества [2]. В эпоху Просвещения появляются первые попытки научно-исторического описания неевропейских культур, но с безусловной ценностной доминантой европейской культуры.

Только возникновение во второй половине XIX – начале XX в. культурологических теорий Н. Я. Данилевского и особенно О. Шпенглера положило начало слому европоцентристской культурной парадигмы. Последним существенным и одновременно трагическим аккордом прежней культурной системы координат стал взлет популярности расистских теорий, которые, исходя из ложных антропогенетических и социал-дарвинистских воззрений, утверждали приоритетность «арийской расы» («европейской расы/нации»), а вместе с ней и европейской культуры. Расизм стал частью идеологии и политики нацистской Германии, которая развязала мировую войну, желая утвердить расистски ориентированный тоталитарный европоцентризм немецко-нордического толка. Ее поражение в войне, а также весь наглядный опыт возможных деструктивных и антигуманистических культурных метаморфоз, который заставил Т. Адорно усомниться в возможности культуры и гуманизма после Освенцима [1, с. 328], подвели черту под прежней европоцентристской культурной парадигмой.

Ее теоретическое развенчание начинает известный этнокультуролог и основатель структурной антропологии К. Леви-Стросс. Он, исследуя поведение и мышление архаических народов, приходит к заключению, что универсальные нормы «разумности» отсутствуют, и, соответственно, европейский культуроцентризм признается ошибочным. Выводы К. Леви-Стросса в 60-70-е гг. XX в. были активно поддержаны Ф. Гваттари, Т. Адорно и Г. Маркузе. В рамках лингвистического постструктурализма развивается идея о «тоталитарности языка» (Р. Барт) и имплицитных потенциях европейской культуры к фашизму (М. Фуко). Все это закладывало основания для интеллектуального рождения новой ценностной культурной парадигмы – постмодернизма, подведшего черту под «вертикальной» иерархией абсолютных ценностей и сформировавшего принципиально иной аксиологически культурный дискурс.

Окончательное разрушение идеи монологического культуроцентризма произошло в рамках философии постмодернизма. Ж.-Ф. Лиотар фиксирует «недоверие в отношении метанарративов», т.е. общекультурных универсалий-обобщенностей [6, с. 108-138]. В эпоху постмодерна, по его мнению, возможно моделирование лишь локальных детерминационных структур на основе языковой игры, которые исключают обращение к «великому нарративу». В контексте возникновения идеи мультикультурализма интересны размышления Лиотара о возможности этики в эпоху постмодерна, которые фактически являются идейным базисом и обоснованием политики мультикультурализма.

Этика эпохи постмодерна основывается на чувствительности к различиям («differend»), а ее главной «несправедливостью» является попытка навязать одному локальному нарративу «правила игры» другого нарратива [Там же, с. 112-140]. Этика, а вместе с ней и культура в целом, существует в пространстве тотальных гетерогенных «языковых игр», унификация которых принципиально невозможна. Поэтому задачи по принудительному формированию некоей гомогенной социальной общности и поиску универсального языка общения в рамках сложившегося пространства постмодернистской культуры Лиотар считает принципиально ложными и деструктивными. Исходя из этого, адекватной времени постмодерна была бы социокультурная и этноконфессиональная политика, направленная на сохранение различия, инаковости. Эту же идею о приоритетной доминанте «различия» перед «тождеством» развивают два других теоретика постмодернизма – Ж. Деррида и Ж. Делез.

В итоге политика мультикультурализма, направленная на сохранение и зачастую нарочитое культивирование культурных различий, стала практическим воплощением в социокультурной действительности философии постмодернизма. Изначально данная политика концептуально виделась как вариант общественной экспликации либерально-гуманистических ценностей, развивающихся в парадигме этнокультурной и межконфессиональной толерантности. Идеальная модель мультикультурализма, как справедливо отметила В. А. Мамонова, «предполагает легитимацию различных форм культурной инаковости» [9], при которой формируется некое условно интегративное пространство, исключаящее внутри него возможность адекватного диалога. Был провозглашен глобальный культурный плюрализм, не допускающий ценностное сравнение культур и вообще не приветствующий размывание культурных границ, т.к. от этого может «пострадать» самобытная культурная инаковость. Культуры, с одной стороны, виделись некими локальными гомогенными, нечитаемыми текстами-образованиями, с другой стороны, предполагалось возникновение некоего свободного и принципиально открытого дискурсивного пространства, объединяющего их.

Все это говорит о том, что результатом политики мультикультурализма должно было стать выстраивание глобального «сверхобщества» постмодернистского толка, которое состояло бы из этнокультурных атомарных образований, категорически не способных к адекватной коммуникации. Это «сверхобщество» оказывается принципиально дискретным образованием, являющим собой модель нового универсального этнокультурного сосуществования народов в пространстве постмодернистской культуры.

Однако обозначенный социокультурный проект являлся лишь теоретической моделью, которая основывалась на общих положениях постмодернистской философии, переложенных в пространство этнокультурной диалоговости. Далее мы рассмотрим, как этот проект осуществлялся в рамках непосредственной культурной практики, и каковы его результаты.

В первые десятилетия после Второй мировой войны, когда активно демонтировалась колониальная система, европейские страны пытались выстроить новую систему взаимоотношений с бывшими колониями. Соответственно, политика, направленная на признание культурной равноценности и автономности множества культур, изначально способствовала переформатированию общекультурного диалогового пространства на основе принципа толерантности, с учетом внешней гуманизации этих отношений.

Политика мультикультурализма была заявлена и реализована на официальном государственном уровне в Швейцарии, США, Франции, Великобритании, ФРГ, Дании, Швеции, Австралии, Канаде и многих других странах. Реализация этой политики постепенно способствовала выстраиванию плюралистического культурного пространства, с отсутствием формального культурно-цивилизационного центризма. В первые десятилетия проведения ее в жизнь был повышен уровень межкультурной толерантности. Однако уже тогда можно было отметить ряд опасностей, потенциальных рисков осуществления этой политики, которые впоследствии имели тенденцию к своему развитию, что в конечном счете и привело к настоящему кризису мультикультурализма.

Первая и, на наш взгляд, самая острая опасность практики мультикультуралистской политики заключается в феномене асимметричной толерантности. Вообще толерантность является одной из существенных характеристик мультикультурализма. Между тем относительно оценки самой толерантности, ее значения в рамках культурного дискурса в научном сообществе существуют полярные точки зрения. Например, в рамках Всероссийской молодежной конференции «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности», проходившей 8-10 сентября 2011 г. в Белгородском государственном исследовательском университете, были высказаны самые разные точки зрения о феномене толерантности и его роли в современной культуре [3]. Одни авторы видели в толерантности явление позитивное, способствующее гуманизации социокультурного пространства; другие, связывая толерантность с постмодернистской цивилизационной парадигмой, усматривали в ней симулятивную замену традиционных духовных ценностей; третьи полагали, что толерантность ведет к индивидуальной инертности, пассивности и всеобщему равнодушию; наконец, четвертые резко отрицательно оценивали толерантность, видя в ней источник перманентного возникновения все новых межкультурных очагов напряженности и конфликтов.

На наш взгляд, распространение евроатлантической цивилизацией идеи всеобщей толерантности, которое шло одновременно с популяризацией мультикультурализма, изначально имело под собой гуманистические основания. Действительно, толерантность становится некоторой разновидностью гуманизма конца XX – начала XXI в., возникшего в ситуации краха трансцендентных оснований европейской культуры и девальвации традиционных духовных ценностей. Между тем если гуманизм изначально строился, прежде всего, на *интересе* к человеку, то из толерантности вытекает скорее безразличие к человеку. Толерантность, т.е. терпимость, в некотором роде приходит на смену концепту христианской любви. И это является весьма показательной симптоматикой новой духовной парадигмы эволюции культуры. Если раньше в виде желаемого идеала культивировалась идея возвышенного духовно-чувственного соединения людей, то теперь большим гуманистическим достижением является состояние терпимости между людьми.

Однако в рамках непосредственной практики мультикультурализма даже состояние терпимости оказывается проблематичным. Идея толерантности, основывающаяся на тех же постмодернистских идеях Лиотара, Делеза и Деррида, предполагает терпимое, ценностно-индифферентное отношение к любым проявлениям культурной инаковости. И носители евроатлантической культуры, по крайней мере, на формально-деятельном и декларативном уровнях усвоили эту установку, реализуя ее в рамках политики мультикультурализма. Между тем представители иных культурно-цивилизационных групп, оказываясь в ареале европейской культуры, как правило, не придерживаются ценностной парадигмы межкультурной толерантности, что порождает упомянутую выше асимметричную толерантность. В этом случае складывается ситуация, когда одни субъекты этнокультурной диалогости принимают установку на межкультурную терпимость, а другие, продолжая существовать в рамках традиционной центристско-вертикальной ценностной шкалы, не принимают толерантность как основу межкультурного сожительства. Это с неизбежностью порождает возникновение напряженности между условно европейским населением, принимающим мультикультурализм, и мигрантами, его отрицающими.

Вторая опасность политики мультикультурализма заключается в порожденном ею феномене «положительной дискриминации». Историческая память о прошлом колониальном опыте европейских стран, когда ими угнетались неевропейские культуры, сформировала в рамках евроатлантической цивилизации определенный «комплекс вины» перед малыми, главным образом африканскими и азиатскими, культурами. И формой компенсации перед ними стала практика «положительной дискриминации», предусматривающая получение этнокультурными меньшинствами ряда социально-экономических преференций по сравнению с культурно автохтонным населением. Естественно, что данная практика вызывает некоторое недовольство у коренного населения.

Наконец, третьим опасным следствием мультикультуральной практики является добровольная сегрегация, или, по выражению В. С. Малахова, феномен «реактивного мультикультурализма» [7]. Этнокультурным меньшинствам оказывается социально-экономически выгодно культивировать свою инаковость, что приводит к их культурному замыканию, самосегрегированию. Здесь необходимо отметить, что идея культурной самосегрегации, естественного самообособления была заложена в постмодернистской культурфилософии, а политика мультикультурализма лишь практически эксплицировала этот принцип.

Европейская цивилизация пыталась реализовать постмодернистскую стратегию поведения в формате мультикультурно-дискретного «сверхобщества». Однако теоретические построения Лиотара и других теоретиков постмодернизма, переложенные в практическую плоскость социально-культурной действительности, в долгосрочной перспективе своей реализации обнаружили значительные недостатки. Ярким примером наличия этнокультурной напряженности на низовом уровне могут служить, во-первых, повышение популярности право-националистических партий во многих европейских странах, во-вторых, недавние террористические акции норвежца А. Брейвика. Все это, на наш взгляд, является симптомом зреющего недовольства европейцев сегодняшней практикой реализации политики мультикультурализма.

В последние годы европейские правительства начали совершать попытки юридически сдерживать распространение влияния в своих странах этнокультурных меньшинств. В этой связи можно вспомнить ужесточение миграционного законодательства в Великобритании, запрет на ношение хиджабов в светских учебных заведениях во Франции, запрет строительства минаретов в Швейцарии. Однако эти единичные меры не меняли общего мультикультуралистского тренда.

В итоге следствием развития и обострения указанных выше рисков мультикультуралистской политики стало то, что в конце первого десятилетия XXI в. лидеры ведущих европейских стран фактически констатировали провал этой политики. Сначала канцлер Германии А. Меркель заявила: «В начале 1960-х наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили себе: “они у нас не останутся, когда-нибудь они уедут”, но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга – этот подход провалился, совершенно провалился» [11]. Далее президент Франции Н. Саркози констатировал: «Мы были слишком озабочены идентичностью того, кто приезжает в страну, и обращали недостаточно внимания на идентичность страны, которая принимает приезжего» [Там же]. Он особенно подчеркнул, что французы не намерены менять свой образ жизни и подстраиваться под культуру мигрантов, напротив, это они, если приняли решение жить во Франции, должны учитывать и принимать европейские культурные ценности, например принцип равноправия мужчин и женщин, светскость образования и т.д. Наконец, в 2011 г. уже премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон признал существование проблемы «доморощенного исламского экстремизма», которая возникла во многом в связи с практикой мультикультурализма. Он констатировал его провал и призвал «перевернуть эту страницу» культурной политики [Там же]. Одновременно в России патриарх Московский и всея Руси Кирилл также критически отозвался о политике мультикультурализма, сказав: «То, что сегодня происходит в мире, свидетельствует о том, что концепция мультикультурализма не оправдывает себя» [14]. Далее патриарх продолжил: «Мир не достигается, модель не работает, сплава не получается. В стакан сливают различные компоненты, чтобы сделать коктейль, но встряхнуть не получается. Компоненты есть, а коктейля нет. Может, не надо было сливать?.. Невозможно из турка или араба сделать англосакса, даже если очень постараться» [Там же]. Однако в данном случае необходимо уточнить, что «встряхивать» различные «компоненты» никто и не собирался, потому что изначально «коктейль» задумывался в виде некой атомарной, дискретной массы, что, возможно, и привело к нежизнеспособности данной системы культурных отношений.

Итак, можно признать, что политика мультикультурализма не оправдала своих изначально культурно-неогуманистических целей. Она привела к формированию в европейских странах этнокультурных анклавов, представители которых, во-первых, не отличаются терпимостью к европейской культуре, в контексте которой они находятся, а во-вторых, постепенно, но вполне целенаправленно и весьма агрессивно транслируют свои культурные ценности в европейское пространство. Постмодернистская система ценностей, принятая европейской культурой, не дает возможности действительно отвечать на эту этнокультурную экспансию. В свою очередь мигранты из стран Африки и Азии, находясь в традиционной парадигме ценностных координат, где существует жесткая шкала ценностей с безусловными мета-нарративами, имеют волю, подчас агрессивно, насаждать свои идеалы в других культурах. При этом их устойчивые мета-нарративы, выраженные, как правило, в религии и обычаях, служат этическим оправданием их этноконфессиональной нетерпимости.

В. С. Малахов справедливо делает вывод, что мультикультурализм, призванный снять этноконфессиональные конфликты, привел лишь к их обострению, с той лишь разницей, что теперь ксенофобия и конфликтность проговариваются не в расово-конфессиональной терминологии, а культурной [8]. Поэтому мультикультурализм стал источником возникновения новых конфликтов.

В заключение можно констатировать, что в теоретико-культурфилософском плане кризис политики мультикультурализма является лишь составной частью и наглядной иллюстрацией более общего кризисного состояния, которое характерно для постмодерна как современного этапа культурного развития евроатлантической цивилизации в целом. Безусловно, наличие кризисного состояния не ставит крест ни на постмодернистской парадигме в целом, ни на мультикультурализме в частности. Кризис является болезненной точкой перехода системы в иное качественное состояние. Он всегда сопряжен с состоянием неопределенности, когда сложно предсказать, какие части системы отомрут, а какие переродятся в обновленном, более жизнеспособном качестве. Поэтому вполне возможно, что отдельные идеи мультикультурализма будут востребованы в рамках построения моделей глобального культурного сосуществования человечества в XXI в., проектов новых универсальных «сверхобществ». Одновременно необходимо учесть тот негативный опыт, который был получен при осуществлении политики мультикультурализма в настоящее время, и попытаться выработать позитивные стратегии межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Беляев Д. А. Расовая антропология XVIII – начала XX в. в поисках «лучшего человека»: эволюция от «белого человека» к «германскому арийцу» // Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы международной научно-образовательной конференции / под ред. Э. А. Тайсиной. Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 98-103.
3. Всероссийская молодежная конференция «Критическое моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» (г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.): материалы докладов и выступлений. Белгород: НИУ «БелГУ», 2011. 424 с.

4. Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 98-103.
5. Куропятник А. И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 207 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
7. Малахов В. С. Мультикультурализм и идеология «инаковости» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/7inak.htm> (дата обращения: 19.05.2012).
8. Малахов В. С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колером и «Дом интеллектуальной книги», 2001. 175 с.
9. Мамонова В. А. Мультикультурализм: разнообразие и множество [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/vamamonova_multikulturalizm_raznoobrazie_i_mnozhestvo.html (дата обращения: 19.05.2012).
10. Мартынюк В. Мультикультурализм – это бомба, заложенная под государство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/09/08/sotsialnye-problemy-v-mire/multikulturalizm-eto-bomba-zalozhennaya-pod-gosudarst> (дата обращения: 19.05.2012).
11. Трещанин Д. Мультикультурализм – это тупиковая стратегия [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/38872> (дата обращения: 19.05.2012).
12. Трудности перевода: о значении термина «мультикультурализм» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/editorial/2011-02-15/2_red.html (дата обращения: 19.05.2012).
13. Hollinger D. A. Postethnic America: beyond Multiculturalism. N. Y.: Basic Books, 2000.
14. <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=39874> (дата обращения: 19.05.2012).

MULTICULTURALISM AS DISCRETE “SUPER-SOCIETY” CREATION STRATEGY IN THE CONTEXT OF POSTMODERN CULTURE: THEORY AND PRACTICE

Dmitrii Anatol'evich Belyaev, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social-Political Theories
Lipetsk State Pedagogical University
dm.a.belyaev@gmail.com

The author considers the policy of multiculturalism as the explication of postmodern values system in social-cultural and ethno-confessional space, analyzes the cultural genealogy and philosophical foundations of multiculturalism policy, meanwhile constructs the resultant theoretical model of universal multicultural “super-society” basing on postmodern value matrix, considers the practical implementation of this model in the space of European culture in the second half of the XXth – the beginning of the XXIst century, reveals the hazards and risks of multiculturalism policy implemented in the discourse of modern culture, and in conclusion ascertains the correlation between the collapse/crisis of multiculturalism and culture crisis condition in whole.

Key words and phrases: multiculturalism; postmodernism; “super-society”; tolerance; postmodern culture; “positive discrimination”; crisis of multiculturalism.

УДК 94(47).05.06

Исторические науки и археология

Автором изучены особенности организации и проведения воспитательной работы в военно-учебных заведениях, функционировавших в России в XVIII в. Основное внимание в работе уделяется обоснованию необходимости воспитательной деятельности в военно-учебных заведениях, анализу причин нарушений воинской дисциплины и установленного порядка, а также рассмотрению целей и задач, форм и методов поддержания и укрепления дисциплины среди обучающихся в военно-специальных школах и кадетских корпусах на протяжении XVIII столетия.

Ключевые слова и фразы: XVIII в.; военно-учебные заведения; дисциплина; уставной порядок; воспитательный процесс; цели и задачи воспитания; формы и методы воспитательной деятельности.

Владимир Николаевич Бенда, к.и.н., доцент

Кафедра философии

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

bvn.1962@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ XVIII В. ©

Современный этап развития Вооруженных Сил Российской Федерации предъявляет повышенные требования к кадрам руководящего состава органов воспитательной работы, их деловым, профессиональным, общечеловеческим, морально-боевым и другим качествам, выдвигает новые задачи по воспитанию военнослужащих. Одним из путей теоретических и практических обобщений, дальнейшего совершенствования